

Шевченко О.К.
МИФ КАК ФОРМА ОСВОЕНИЯ ВЛАСТИ

УДК: 1+321.01

Тайна власти издавна волновала человечество. На протяжении всей письменной истории не было такой эпохи, не было такого народа и литературной традиции их выражающей, которые бы обходили молчанием властную реальность. Однако ни философия, ни наука так и не смогли сформировать определенного, непротиворечивого и универсального представления о власти. XX век продемонстрировал откровенное бессилие науки (в диапазоне от политологии до психологии) создать такую категориальную сетку, которая была бы способна накрыть власть как особый вид бытия в мире. С середины XX века все уверенней стали раздаваться голоса о принципиальной невозможности вывести общенаучную дефиницию власти. А в конце XX века это мнение стало доминирующим в ученых кругах. Между тем, на фоне этого прогрессирующего агностицизма, рядоположенные с философией и наукой формы освоения реальности показывают устойчивую тенденцию к расширенному, углубленному и крайне перспективному анализу власти. Речь идет о религии и искусстве. Целый ряд блестящих работ в этих областях [2, 3, 5, 13] показывают, что власть это особое измерение бытия человека, обладающее своей формой осуществления, проявления и способом бытия. Тогда как философский и научный подходы освоения власти, застыли на первой фазе теоретического обобщения эмпирии, и, считают, что власть это не более чем специфический феномен новоевропейской цивилизации, зависящий в своих конкретных формах от характера локальных культур. Все немногочисленные попытки выйти из тупика, силами самой науки – успехом не увенчались. Об этом свидетельствует уже отсутствие официально признанной научной или философской дисциплины, предметом которой, явилась бы власть.

Такой сокрушительный провал философии и науки на фоне успехов искусства и религии заставляет пересмотреть монополю первых двух видов знания на истину в дискурсе о власти.

Судя по всему, искусство и религия обрели преимущество в освоении власти благодаря способности к формированию ясных, логически-непротиворечивых и масштабных образов. В этом легко убедиться, открыв религиозные или литературные тексты, осмотрев шедевры живописи или графики, посвященные проблеме власти. Эта способность является одним из древнейших способов освоения мира. Наиболее выразительно и полно она проявилась в мифе. И, по всей видимости, именно в мифе следует искать возможности реабилитироваться философии и науке после неудачных попыток освоить властную реальность.

Объект исследования – кратология*.

Предмет – мифологическая концепция власти.

Цель – проанализировать гносеологические возможности мифа в освоении власти.

Задачи:

1. Анализ мифа как формы освоения ойкумены.
2. Выявление значения мифа как гносеологической системы для кратологии.
3. Выделение структуры власти в системе координат мифа.

Определений мифа существует великое множество. За последние годы вышло ряд блестящих монографий, в которых проводится тщательный сравнительный анализ разнообразных точек зрения на миф и его роль в становлении Человека. В рамках данной статьи нет смысла углубляться в дискуссию по поводу дефиниции мифа – это тема отдельного исследования. В качестве базиса для всех дальнейших рассуждений будет принята точка зрения А. Ф. Лосева о том, что миф это не сказка и не выдумка, а вполне конкретная реальность [8, с. 24]. В качестве общего определения этой реальности выступает следующая словесная конструкция: Миф – это форма целостного массового переживания и истолкования действительности при помощи чувственно-наглядных образов считающихся самостоятельными явлениями реальности.

Величие мифа, как гносеологической системы, активно проявляется в ситуации, когда наше знание трансформируется из чувственного в рациональное, когда необходим результат, когда он предсказуем и ожидаем, но для его разумного выведения из условий и факторов – отсутствуют представления о пространстве и времени протекания процесса. Каузальность, синергия и когерентность поступков лишь угадывается, но суть происходящего покрыта гносеологическим мраком. В таких обстоятельствах для установления внутренней связи различных результатов, как правило, вытекающих из применения посредника (человек - бросок камня - смерть животного) необходим образ (символ, имя). И здесь речь идет не только о простейших физических действиях [11, с. 83-118], но и о сложнейших социальных поступках. Последние пребывают в условиях субъективного выбора и направляются исключительно «на сохранение жизнедеятельности определенной коллективной целостности» [11, с. 123]. В такой своей форме миф выступает в облике некой метафизической истины, выражающей высшие духовные ценности [12, с. 4].

Миф упорядочивает и гармонизирует ойкумену, предлагает азы диалектического мышления (это происходит в форме трактовки чужого мира как хаоса и смерти для своего и порядка, жизни для чужого, как правило некой высшей силы [12, с. 27]. При этом миф всегда и безусловно сохраняет ориентир на создание, передачу и обработку информации посредством предметно-символической формы. Эти формы для мифа, ес-

* Под этим термином понимается вся совокупность философских и научных исследовательских усилий в познании власти.

ли можно так выразиться, ритмично истинны, они существуют и реальны, к ним не применимы понятия образа, должного или наличного [12, с. 67].

И последнее, мифическое мышление не равно мышлению первобытному [11, с. 162]. Каждый из нас в тот или иной момент своего наличного бытия оказывается в условиях так называемой мифической ситуации. Исследователями она характеризуется следующими параметрами:

- потребность в иллюзиях;
- высокий уровень общественной доверчивости;
- недостаток общей культуры и достоверной информации;
- эмоциональная напряженность;
- коллективное переживание момента;
- взаимозаражаемость [12, с. 98].

Разумеется этот краткий очерк не исчерпывает полностью все особенности мифа как уникальной познавательной системы. Однако он вполне достаточен, чтобы сделать ряд общих замечаний относительно значения мифа для современной кратологии.

Прежде всего, следует отметить, что нынешнее знание о власти (наука и философия) отказывает власти в своем собственном пространстве и времени (что является первым признаком мифологической установки на познание). Абсолютное большинство направлений отказываются даже от самой возможности предложить понятие власти, сформулировать дефиницию. В то же самое время словоупотребление концепта «власть» отнюдь не уменьшается, а имеет тенденцию к стремительному увеличению. Наличествуют заявки о существовании философии власти, социологии власти, психологии власти, науки о власти (кратология), но без сколь небудь существенных подвижек в категориально-понятийном пространстве.

Создается впечатление, что кратологи (исследователи, изучающие власть в рамках самых разнообразных дисциплин) находятся в классической мифической ситуации на грани чувственного и рационального освоения властной реальности, при ошутимом недостатке точной информации о предмете своего интереса. Усиливает мифологичность ситуации сама власть, инициирующая потребность в иллюзиях, эмоциональную напряженность и коллективность переживаемого момента ее познания. Об этих элементах исследовательской практики свидетельствуют такие авторитетные исследователи как [10, 14] останавливаясь, правда, на самой констатации факта. Сведенные воедино кажущиеся на первый взгляд парадоксальными для науки и философии эпистемологические штудии вполне адекватны мифу как обширной познавательной системе. Другое дело, что рядовые субъекты исследовательской практике, находясь в рамках мифа, пытаются работать с властью по принципам науки или философии, принципам, взятым произвольно из разных областей знания и совершенно произвольно прилаживаемых к власти. Поэтому совершенно не удивительно, что научного подхода к власти так и не было сформировано (философия власти – предстает искусственным отростком праксиологии без авторитетных заявок на свою самостоятельность). В целом, власть сохранила для нас свою загадку, а основная масса исследователей распалась на два лагеря: агностиков и формалистов. Если первые отрицают за человеком принципиальную возможность познать сущность власти, то вторые - проводят эту линию на практике, подвергая анализу отдельные феномены власти в рамках конкретных научных дисциплин (психологии, политологии, социологии, антропологии), отсекая все возможности заявить о властной реальности, как особом виде бытия в мире.

Как закономерный результат – тезис о принципиальной невозможности объективно познать власть и откровенные насмешки над попытками сформировать науку о власти – кратологию.

Любое знание, имеющее ныне научный характер, проходило свой инкубационный период в лоне мифа. И лишь достигнув совершенства в формировании чувственно-предметных образов, адаптировав все богатство мифологической формы освоения мира, знание совершало переход к науке (прямо, или опосредованно через философию). Для математики это был период каббалы, для астрономии – астрологии, для истории – сказки и легенды, для физики и химии – время алхимии и поисков философского камня. Но для рационального освоения власти такого предшествующего этапа нет. Ибо нет явных, развитых, систематизированных конкретными личностями, мифов о власти в виде определенного предания или сказания. Нет даже устойчивой философской традиции освоения власти, на которую можно было бы сослаться в виде исключения из правил.

Ни Платон, ни Аристотель, ни Н. Маккиавелли или Дж. Локк, на которых ссылаются кратологи, никогда не подвергали своему анализу такой предмет реальности как власть. Их интересовали всего лишь ее отдельные элементы: государство, насилие, подавление, политика, авторитет.

Попытки научного осмысления власти вообще связаны исключительно с XX веком. Все их многообразие - это результат масштабных усилий в осмыслении кровавых событий двух мировых войн, распада всемирных империй и парада диктатур. Усилий, в основе которых лежало сложное переплетение эмоциональных всплесков (ужас, отвращение, страх), массовых иллюзий (хорошая и плохая власть, своя и чужая власть) и коллективного переживания эпохи. Достигнутые результаты, никак нельзя назвать научными, хотя они со всей очевидностью претендуют на статус гениальности. Но не в форме открытия, а... откровения [1, 9, 10, 14, 16].

В этой ситуации трудно переоценить роль мифа в конструировании предметно-чувственного образа власти как отправной точки самостоятельного научного творчества, как проводника в мир рациональности из мира эмоций и чувств.

Выше уже отмечалось, что отсутствует ярко выраженная и систематическая традиция мифического освоения власти. Такая традиция это высшая, самая совершенная ступень мифологической картины мира, которая находится в одном шаге от искусства, религии, философии и науки. Однако в мифе есть ряд образов власти являющихся структурно образующими формами в общественной и личной жизни большинства на-

селения Земли. Другими словами они носят универсальный характер для всех регионов земного шара и характерны для последних 5-10 тысяч лет человеческой истории.

Современным исследователям удалось обнаружить несколько предметно-чувственных образов власти присущих мифу и проследить их функционирование на пространственно-временном пространстве от Древнего Рима и Эллады до Древней Индии и Китая [7]*. В самых общих чертах власть в мифе проявляется в образах горы и воды [7, с. 16-19; 37-40]. При этом гора выступает как символ иерархии, подчиненности, дисциплины и незыблемости порядка вещей. Вода – как вся стихия человеческого общения и свободы. Эти образы не существуют отдельно и сами по себе, они органично дополняют друг друга. Речь идет о гармонии вертикали и горизонтали власти. Гармонии порядка и хаоса, принуждения и свободы, вождя и племени, государства и общества, церкви и прихожан.

Авторы книги ограничились тремя базовыми мифологическими системами, но следуя предложенной методе нетрудно заметить представления о вертикали и горизонтали власти и в других мифологиях. Например широко распространенный миф о мировом древе (Скандинавский, Славянский, Северо-Американский и другие регионы). В этом древе вертикаль власти – ствол, а горизонталь – плоскость земли.

В нашем мире данный образ мифа не исчез. Особенно силен он на бытовом уровне. Достаточно вспомнить такие выражения как: «карабкаться к верхушке власти», «пирамида власти», «море народа» и др.

В академической сфере также можно зафиксировать ряд проявлений этого образа в научных и философских трудах. В них скрывается за терминами: «вертикаль власти», «горизонталь легитимации», выводимых для определения родоплеменных отношений и процессов формирования государства [4], для очерчивания круга проблем христианизации института легитимизации [6], для определения стиля управления Дж. Вашингтона [15, с. 318]. В этой связи можно сделать следующее предположение утверждение. Мифологические образы всплывают и оказывают определяющее значение в том случае, когда исследователь обращается к прошлому, стремится изучить проблему власти в динамике, в ее зарождении и становлении. То есть вторгается в ту область, которая в наименьшей мере подверглась изучению современными кротолагами.

Миф как форма освоения власти в силах предложить устойчивую и перспективную модель власти. Ту самую модель, над поисками которой столько десятилетий бьются ученые и философы. Модель, которая носит универсальный характер и способна положить конец затянувшемуся агностицизму в изучении власти. Является ли она совершенной? В рамках мифологического сознания она, скорее всего, приблизилась к этому статусу. Для научного и философского способа освоения мира – миф о власти лишь платформа для дальнейшего совершенствования, а, возможно, и преодоления.

Источники и литература

1. Арндт Х. Джерела тоталітарізму / Ханна Арндт: [пер. с англ.]. – К.: Дух і літера, 2005. – 584 с.
2. Ананьев А. А. Лики бессмертной власти. Царь Иоан Грозный: [роман] / А.А. Ананьев. – М.: Новое время, 1993. – 622 с.
3. Балашов Д. М. Государи Московские : [роман-хроника в 6 т.] / Дмитрий Михайлович Балашов – М.: Худож. лит., 1991. – Т. 3: Бремя власти. – 1991. – 382 с.
4. Гражданское общество: истоки и современность / [Кальной И. И., Овчинникова Г. В., Колесников В.В., Гугоров В. А., Резник Ю.М.]; под ред. И. И. Кальной. [2-е изд., доп.]. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 301 с.
5. Дивов О. И. Выбравковка: [роман] / Олег Игоревич Дивов. – М.: Эксмо, 2007. – 416 с.
6. Завершинский К. Ф. Методологические и семантические векторы политической легитимации / К. Ф. Завершинский – Великий Новгород: Нов. ГУ, 2002. – 132 с.
7. Котенев А.А., Лукьянов А. Е. Архетипы власти / Котенев А. А., Лукьянов А.Е. – М.: Ягуар, 2000. – 62 с.
8. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура: научные труды / Алексей Федорович Лосев – М.: Политиздат, 1991. – С. 21-186.
9. Луман Н. Власть / Николас Луман: [пер. с нем. Антоновский А.]. – М.: Праксис, 2001. – 256 с.
10. Москвичи С. Машина, творящая богов / Серж Москвичи: [пер. с фр. Емельянова Т.П., Дилигенский Г.Г.]. – М.: «Центр психологии и психотерапии», 1998. – 560 с.
11. Панов В. Г. Эмоции. Мифы. Разум / В. Г. Панов. – М.: Высш. шк., 1992. – 256 с.
12. Пивоев В. М. Мифологическое сознание как способ освоения мира / В.М. Пивоев. – Петрозаводск: Изд-во «Карелия», 1991. – 112 с.
13. Сапронов П. А. Власть как метафизическая и историческая реальность / П.А. Сапронов. – СПб.: Церковь и культура, 2001. – 816 с.
14. Фуко М. Интеллектуалы и власть: [статьи и интервью] / Мишель Фуко: [пер. с фр. Офертас С.Ч.] – М.: Праксис, 2002. – 382 с.
15. Яковлев Н. Н. Вашингтон / Н.Н. Яковлев. – М.: Молодая гвардия, 1973. – 398 с.
16. Russell B. Power: A new Social Analysis / Bertran Russell . – London: Allen and Unwin, 1938. – 258 p.

* Авторы трактуют образы власти как первоначальную и изначальную власть – 7, с. 10-11. Ее источник скрывается в генетической структуре ойкумены. А сама власть – единый организующий принцип живого.